

— Если не возражаете, Ирина Петровна, я начну с самого традиционного вопроса: как пришло решение стать актрисой?

— Совсем маленькой слушала рассказы мамы о театре. Она училась в студии известного режиссера Александра Яковлевича Таирова, но стать актрисой ей так и не довелось: помешала война... Сейчас я думаю, что мой приход в театр, вообще в искусство — это как продолжение маминой любви к нему...

Все уходило из дома, и я разыгрывала перед зеркалом целые спектакли — драму, оперу, оперетту. Всегда любила фантазировать, сочинять чью-то судьбу, какую-нибудь историю. Была очень впечатлительной девочкой.

Кто знает, может, эта сильная впечатлительность, постоянное желание что-то или кого-то придумать и изображать и были той неуспокоенностью, задатком, что ли, которые и привели меня в театр.

После окончания школы поступила в вечернюю студию при Московском театре имени Ленинского комсомола, а через год стала студенткой школы-студии МХАТа.

— С тех пор прошли годы, вы стали известной актрисой театра и кино. Да и круг общественных дел оказался сегодня довольно широк: член правления общества «СССР — Канада», член правления Центрального Дома работников искусств, постоянные поездки на московский

ми, что и как я поняла про свою будущую героиню. Но я уже знала, начинала чувствовать ее.

Рядом с настоящим подделка всегда видна. Я боялась даже секундной неправды перед кинокамерой. Это было бы по-человечески просто несправедливо по отношению к живущим рядом людям, к памяти их ушедших из жизни земляков. Я уже не говорю о том, что в каждом из нас (актер ты или не актер) должно быть какое-то особое, острое, святое чувство к тем, кто в кровавом кошмаре войны сумел сохранить душевные и физические силы.

— Чтобы хорошо рассказать о преодолении в чьей-то судьбе, надо, верно, в собственной судьбе пройти через какое-то преодоление?

— Я думаю, это не обязательно. Что до меня, то... было, пожалуй. Год назад я болела, мне стало трудно двигаться. А в это время готовилась в нашем Художественном театре премьера спектакля «Татуированная роза» по пьесе Уильямса, где я была занята в главной роли. Думала, не смогу сыграть. Сыграла. И была очень рада. И даже, наверное, не тому, что сыграла, но маленькой победой над чем-то в себе самой.

— Читая размышления о том, как соотносятся кинематограф и театр в творчестве актера, я не раз наталкивался на противополож-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Ирина

Мирошниченко

завод «Красный пролетарий», где являетесь почетным членом одной из заводских бригад коммунистического труда. Плюс — поездки по стране, встречи со зрителями. Помогает общественная деятельность вам как актрисе?

— Мне кажется, что это совершенно необходимое занятие. Как же я могу сыграть современного человека, не зная забот и мыслей сегодня живущих людей?

— Ваши героини, как правило, — женщины очень сложной судьбы. Они совершенно непохожи друг на друга, как мне кажется, очень далеки лично от вас. Скажем, Мария в картине режиссера Жалаквичуса «Это сладкое слово «свобода».

— Да, мы действительно совершенно разные с Марией люди. Я сейчас вспомнила в связи с вашим вопросом, что один из педагогов школы-студии всегда говорил: «Как ни странно, у актрис обычно лучше получаются роли абсолютно непохожих на них женщин».

— А с чего начинается ваше сближение со своими героинями?

— Это каждый раз происходит по-разному. Ищу общие точки соприкосновения. Иногда это совершенно не удается, даже не знаю, как подступить, с чего начать. Помогает режиссер. Хороший режиссер. А иногда так бывает: прочитала сценарий — и все сразу стало ясным про человека, о котором предстоит рассказать.

— Мне особенно дорога ваша Вера из фильма режиссера Губенко «Пришел солдат с фронта» — солдатская вдова с искаленной войной судьбой. Как вам, человеку послевоенного поколения, удалось так точно передать боль пережившей тяготы войны женщины?

— Для меня предложение Николая Николаевича Губенко было совершенной неожиданностью. Я не знала, с какой стороны и подступить к образу Веры. Первым желанием было отказаться от роли: не моя, не знаю, не понимаю.

— Что же помогло?

— Режиссер сделал своеобразный эксперимент: при большой людской населенности фильма в нем снимались всего несколько актеров, все остальные персонажи — это были реальные, перенесшие ужасы фашистской оккупации люди, те, кто, подобно моей героине, своим доблестным трудом возродил жизнь на пепелище.

Приехав на съемки в Великие Луки, я много встречалась с этими людьми, видела их глаза, руки, слышала их голоса... Они рассказывали мне обо всем, что довелось пережить. Это были страшные рассказы о бесконечных бомбежках, жизни в землянках, голоде, холоде, смерти близких людей. И слушать эти рассказы было очень нелегко. Но в них проступало удивительное мужество, какая-то светлая простота этих людей, навсегда, всей своей жизнью привязанных к земле. Мне трудно объяснить вам слова-

ные высказывания. Одни актеры говорили, что после участия в съемках они стали органичнее вести себя на сцене. Другие, напротив, утверждали, что именно опыт работы в театре помог им на съемочной площадке.

— Я не понимаю этих разговоров. Есть профессия, прекрасная, но жесткая профессия. Коль ты актер, ты обязан уметь включаться в условия работы независимо от того, сцена это или съемочная площадка. Наверное, в павильоне актеру многое мешает — всевозможные команды режиссера, оператора, постановщика, мастера по свету, ассистентов, администрации. Но это — условия работы, нормальные условия работы актера в кинематографе.

Еще говорят: странный принцип работы — в первый же день съемок приходится иногда играть... едва ли не последнюю сцену из сценария. Ну и что? Это тоже нормально в кинематографе. Мы же в концертах играем сцены из спектаклей, и часто эти сцены далеко не первые в спектакле.

Кинематограф и театр — это два совершенно самостоятельных вида искусства, но оба обогащают практику актера, расширяют в равной — я подчеркиваю это — степени диапазон его творческих возможностей.

— Ирина Петровна, я что-то не припомню вас в комедии. Что, комедия — это не про вас?

— Даже не знаю, что и ответить. Пока комедия минует меня.

— Как у вас дело с юмором обстоит?

— Да есть вроде. Но, наверное, все-таки комедия, как вы сказали, — это не про меня. Всегда свосторгом наблюдаю, как работают актеры нашего театра Евгения Евстигнеева, Екатерина Васильева, Александр Калягин, Юрий Богатырев... Скажут совершенно обычную фразу — смешно, очень смешно.

— Какое открытие в себе показали вам неожиданным?

— Умение прощать. Раньше всегда была непримиримой.

— Как вы думаете, отчего такая перемена?

— От прожитого, наверное.

— Какую загадку человеческого «я» вам хотелось бы разгадать?

— Все загадки, если они есть в человеке. Вообще люблю наблюдать людей, пытаюсь по походке, взгляду, случайному движению руки, головы угадать характер человека, его профессию.

— Угадывали?

— Бывали случаи.

— Чем любите заниматься в свободное время?

— Готовить еду. Люблю придумывать блюда.

— Есть ли у вас какое-то увлечение вне театра?

— Есть. Театр.

Л. ДНЕПРОВСКИЙ.